

Янг Ф. М. От Никеи до Халкидона: Введение в греческую патристическую литературу и ее исторический контекст / Пер. с англ. П.Б. Михайлова и др. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. 620 с. ISBN 978-5-7429-0865-4

Рецензируемая книга является переводом второго издания наиболее подробного современного справочника по греческой патристической литературе IV–V вв.¹, автор которого, профессор богословия Бирмингемского университета в 1971–2005 гг. Френсис Маргарет Янг – известный исследователь в области патристики, библейского богословия и экзегезы (особенно следует отметить ее работы, посвященные Антиохийской и Александрийской школам)².

Книга содержит подробную характеристику литературной деятельности церковных писателей исторического периода, который был одним из самых важных этапов формирования христианского вероучения. В справочнике можно найти биографические сведения об авторах первых «Церковных историй» (Евсевии Кесарийском, Сократе Схоластике, Созомене и Феодорите Кирском), главных действующих лицах триадологических споров IV в. (свт. Афанасии Александрийском и его роли в полемике с Арием, Маркелле Анкирском), великих каппадокийцах, свт. Кирилле Иерусалимском, свт. Иоанне Златоусте, авторах литературных памятников эпохи христологических споров и предшествующего периода (св. Евстафии Антиохийском, Аполлинарии Лаодикийском, Диодоре Тарсийском, Феодоре Мопсуестийском, Нестории, свт. Кирилле Александрийском и Феодорите). Значительное внимание уделено важнейшим аскетическим произведениям («Житию прп. Антония», «Лавсаику», *Apophthegmata Patrum*, творениям Дидима Слепца, Евагрия Понтийского, а также «Макариевскому корпусу»). Особо следует отметить тот факт, что Ф. Янг также уделила пристальное внимание двум примечательным фигурам, которые нередко рассматриваются как маргинальные, хотя их сочинения крайне важны для понимания рассматриваемой эпохи — Немезию Эмесскому и Синезию Киренскому.

Справочник Ф. Янг отличается от стандартных учебников патрологии (в частности, от трудов А. ди Берардино³), в которых обычно даются весьма краткие сведения о жизни и трудах того или иного христианского писателя, а также тезисно излагается его учение. Янг, опираясь в своей работе как на значительный массив современной литературы, так и на первоисточники, дает подробную характеристику спорным вопросам биографии рассматриваемых авторов, аутентичности их творений, а также основным положениям их богословия. Так, в разделе, посвященном Феодору Мопсуестийскому, Янг уделяет внимание проблеме датировки его произведений, подлинности фрагментов, сохранившихся в составе флорилегий. Затем следует рассмотрение экзегетических принципов Феодора, в т.ч. понимания им мессианских мест Ветхого Завета. Говоря о характерных чертах христологии Мопсуестийского епископа, автор анализирует использовавшиеся им термины (в частности, формулу «по благоволению»

¹ *Young M. F. From Nicaea to Chalcedon: A Guide to the Literature and its Background. London, 2010*².

² См., напр.: *Idem. Biblical Exegesis and the Formation of Christian Culture. Cambridge, 1997*.

³ См.: *Berardino A., di., ed. Patrology. Vol. 6: The Eastern Fathers from the Council of Chalcedon (451) to John of Damascus († 750). Cambridge, 2006*.

(κατ'ἐϋδοκίαν), термин «лицо» (πρόσωπον)), однако не рассматривает подробно значение принципиально важного в рамках христологической системы Феодора понятия *συνάφεια*. При этом, весьма удивительно, что в своей книге Янг не только не пытается рассмотреть проблему наличия в произведении Феодора «О Воплощении» учения о двух ипостасях во Христе, усматриваемых умозрительно и являющихся составными элементами единства, но даже не упоминает о соответствующем фрагменте, хотя он сохранился как в греческом оригинале, цитируемом Леонтием Византийским, так в сирийском переводе⁴.

Анализ богословия авторов, писавших в эпоху христологических споров, относится к одним из несомненных достоинств книги. Во-первых, важно, что данный раздел начинается с краткого рассмотрения учения св. Евстафия Антиохийского, которого в XX в. стали рассматривать в качестве связующего звена между Павлом Самосатским и более поздними представителями антиохийской традиции, прежде всего, Феодором. Если принять данную точку зрения, то Евстафий являлся «частью непрерывной сирийской традиции», а его христология была близка к адопционизму (с. 393). Янг, однако, критически оценивает подобную характеристику, хотя и признает, что некоторые христологические формулы Евстафия предвосхищают использовавшиеся позднее представителями Антиохийской школы.

Во-вторых, Янг, восстанавливая основные положения христологии Аполлинария, говорит о своем скептическом отношении к распространенному представлению, согласно которому ересиарх заимствовал основное положение своего учения о том, что Логос заменил во Христе человеческую душу, у противников-ариан: «Гораздо более вероятно, что и он, и ариане разделяли общие, широко распространенные предпосылки» (с. 399). Помимо проблемы соотношения арианства и аполлинаризма, Янг также рассматривает вопрос о влиянии на христологию Аполлинария его полемики с антиохийцами. Не отождествляя полностью свое мнение с позицией Мюленберга⁵, согласно которой главной задачей Аполлинария было противопоставление Христа как *θεὸς ἕνσαρκος* («Бога воплощенного») *ἄνθρωπος ἕνθεος* («обоженному человеку») и проповедь того, что прямое и подлинное познание Бога является следствием воплощения Божественного Ума, Ф. Янг, тем не менее, допускает роль этого мотива в развитии ересиархом своего учения. Однако более вероятным она считает мнение, согласно которому богословие Аполлинария было реакцией на учение Маркелла Анкирского. Указывая на то, что христологическое учение Аполлинария было во многом предвосхищено той критикой, которой Евсевий подверг учение Маркелла, Янг связывает основной контекст богословия ересиарха с арианскими спорами и реакцией на них (с. 399–400).

В-третьих, представляет интерес та критика, которой Янг подвергла новаторскую идею А. Гриллмайера, согласно которой учение Диодора Тарсийского относится к христологии «Логос — плоть»⁶, а не «Логос — человек», что было бы естественным для системы, являющейся частью антиохийской христологии. Главный аргумент

⁴ *Theodorus Mopsuestenus. De Incarnatione. VIII, 62* [Издания: *The Case Against Diodore and Theodore: Texts and their Contexts* / J. Behr, ed., transl. Oxford, 2011. P. 290 (Oxford Early Christian Texts); *Theodori episcopi Mopsuesteni in epistolas B. Pauli commentarii* / H. B. Swete, ed. Cambridge, 1882. Vol. 2. P. 299 (фрагмент, цитируемый Леонтием); Behr. P. 470 (сир. перевод)]. См. о вероятных интерполяциях: *Grillmeier A. Jesus der Christus im Glauben der Kirche. Band I: Von der Apostolischen Zeit bis zum Konzil von Chalcedon (451)*. Freiburg-Basel-Wien, 1990³. S. 626, 633–634.

⁵ *Mühlenberg E. Apollinarius von Laodicea. Göttingen, 1969.*

⁶ См.: *Grillmeier. Op. cit. S. 506–516.*

Грильмайера в данном случае заключается в том, что нигде в христологических построениях Диодора человеческая душа Христа не играет существенной роли и даже не становится основным понятием в его полемике с Аполлинарием. Янг признает, что Диодор Тарсийский действительно писал о восприятии Словом плоти, а не «некоего человека», и что в сохранившихся фрагментах из произведений Диодора не встречается использовавшаяся Феодором формула «воспринятый человек», однако полагает, что излишнее внимание к конструкциям «Логос — плоть» и «Логос — человек» может превратиться в реализацию заранее принятой схемы объяснения материала, содержащегося в источниках, и исказить его восприятие. Сложно не согласиться с автором в том, что решающее значение при оценке христологии Диодора нужно придавать не столько терминам (особенно таким, как «плоть», «человек» и «человеческая душа», наличие или отсутствие которых еще не является точным указанием на характер рассматриваемой богословской системы), сколько вопросу о Субъекте «воплощенных состояний». Янг, отмечая, что Диодор не принимал учение о двух рождениях Логоса, приходит ко вполне обоснованному выводу о том, что его учение «содержало христологию «двух природ» с явно дуалистическими принципами» (с. 415). Этот вывод, наряду со словами исследовательницы о том, что ответное возражение Диодора на обвинение со стороны его богословских оппонентов в исповедании «двух Сынов» «уходит от сути проблемы» (с. 416), особенно важен на фоне «апологетического» по отношению к антиохийскому богословию направления в историографии, согласно которому проблемы исповедания «двух Сынов» нет даже в учении Нестория⁷, хотя последний, в отличие от более ранних представителей антиохийской традиции исповедовал две *самобытные* ипостаси во Христе. Янг давая подробную характеристику учению Кирилла Александрийского (с. 477–515) и Нестория (с. 461–477), полемике между Кириллом и «восточными» (с. 441–461), излагая на основе английского⁸ и французского⁹ переводов христологию «Трактата Гераклида Дамасского», большая часть которого была несомненно написана самим Несторием, рассматривает его учение о едином лице (*πρόσωπον*), объединяющем две природы и две сущности (*οὐσίαι*).

Автор уделил внимание такому ключевому для христологии Нестория понятию, как «лицо», и двум основным значениям, в которых его употреблял ересиарх: «общее лицо», относящееся к Господу Иисусу Христу, и «природные лица», которыми обладали две природы (с. 472–474). Принципиально важно, что Янг и в случае с Несторием строит свою оценку христологии рассматриваемого автора не столько на основе терминов, сколько на основе понимания Несторием единства соединившихся во Христе природ, а также признания или непризнания им «взаимообщения свойств» (*communicatio idiomatum*) этих природ (с. 472–476).

Как можно видеть, работа Ф. Янг представляет собой не просто полный справочник, но труд, в рамках которого предпринята вполне успешная попытка дополнить стандартные учебники по патрологии и сделать доступными широкой аудитории спорные вопросы, связанные с учением рассматриваемых авторов, и который можно рассматривать во многом как пример работы, посвященной истории развития христианского вероучения. Ряд наблюдений Янг не лишен характера оригинальных

⁷ См., напр.: Halleux A., de. Nestorius. History and Doctrine // Syriac Dialogue 1. First Non-Official Consultation on Dialogue within the Syriac Tradition. Vienna, 1994. P. 200–215, здесь: p. 208.

⁸ Nestorius. The Bazaar of Heracleides. Newly translated from the Syriac and edited, with an Introduction, Notes, and Appendices, by G. R. Driver and L. Hodson. Oxford, 1925.

⁹ Nestorius. Le livre d'Heracleide de Damas / Trad. F. Nau, avec le concours du R. P. Bedjan et de M. Brere. Paris, 1910.

выводов. Безусловно, в подобном труде было невозможно учесть все элементы учения изучаемых авторов. В частности, в разделе, посвященном св. Ефрему Сирию (который отнесен к числу рассматриваемых авторов как по причине его известности в греческом мире, так и по причине того, что на его творения оказало влияние распространение арианства, а учение самого Ефрема в некоторых отношениях можно сопоставить с богословием каппадокийцев) уделено внимание символическому мышлению «пророка сирийцев», его богословскому языку и соотношению различных традиций в рамках его богословия, однако, фактически, не проанализировано его христологическое учение. Кроме того, говоря об «образах» и «символах», используемых Ефремом (речь идет о понятиях *ἑσπέρῃ* (*tūpsā*) и *ῥαζῇ* (*rāzā*)), Ф. Янг не пытается сопоставить их с такими греческими терминами, как *τύπος* (прообраз), *μυστήριον* (тайна, таинство) и *ἀντίτυπος* (вместообраз)¹⁰.

Следует отметить, что помимо краткой англоязычной библиографии, помещенной после практически каждого раздела, в конце книги имеются весьма подробные списки источников и литературы на основных европейских языках по всем рассмотренным авторам, а также общие работы (в т.ч. по христологии). Т.о., труд Френсис Маргарет Янг следует рассматривать — несмотря на недостатки — в качестве не только важного библиографического справочника по греческой патристике IV–V вв., но и введения в богословскую проблематику «золотого века» патристики.

Е.А. Заболотный, аспирант кафедры истории Церкви

¹⁰ Эти параллели становятся очевидными при сравнении Комментариев Ефрема на Бытие и Исход (*Sancti Ephraem Syri In Genesim et in Exodum comentarii* / Ed. par R. Tonneau. Louvain, 1955 (CSCO 152–153. Syr. 71–72)) с экзегезой греческих авторов II–IV вв. См. классическое исследование, посвященное типологической экзегезе этого периода: *Daniélou J. Sacramentum futuri. Études sur les origines de la typologie biblique*. Paris, 1950 (рус. пер.: *Даниелу Ж. Таинство будущего: исследования о происхождении библейской типологии* / Пер. с фр. В. Н. Генке под общ. и науч. ред. А. Г. Дунаева. М, 2013).